

Ильминский Николай Иванович

**Воспоминания об И. А.
Алтынсарине**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович И.**
Воспоминания об И. А. Алтынсарине / Ильминский Николай Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 438 с.

ISBN 978-5-519-87009-2

Письма и бумаги И.А. Алтынсарина

ISBN 978-5-519-87009-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

кія степныя школы, учрежденныя по плану и идеѣ управлявшаго Оренбургскими киргизами профессора Василя Васильевича Григорьева. Но ни о той, ни о другихъ я въ то время не имѣлъ яснаго и подробнаго понятія. Теперь мнѣ захотѣлось получить о нихъ знаніе точное и документальное. Высочайше утвержденное Положеніе о школахъ киргизскихъ дѣтей при Оренбургской пограничной комисіи 14 Іюля 1884 года напечатано въ Полномъ Собраніи законовъ Россійской Имперіи. А дальнѣйшее производство объ этой и другихъ Киргизскихъ школахъ заключается въ архивныхъ дѣлахъ бывшей Оренбургской пограничной комисіи. Я обратился къ Г. Тургайскому Военному Губернатору съ просьбой доставить мнѣ изъ архива Областнаго Правленія дѣла объ Оренбургской школѣ и потомъ о степныхъ школахъ, и мнѣ любезно были доставлены сначала три дѣла объ Оренбургской Школѣ подъ №№ 31418, 31441 и 40665 и потомъ два дѣла объ учрежденіи школъ въ степныхъ укрѣпленіяхъ подъ №№ 47270 и 47342. При этомъ, въ отношеніи отъ 20 Іюля 1890 года за № 7410, Его Превосходительство Генералъ-Маіоръ Барабашъ увѣдомилъ меня, что онъ не имѣетъ препятствій къ напечатанію матеріаловъ, извлеченныхъ мною изъ дѣлъ той и другой посылки.

Около 1868 года по новому положенію объ управленіи киргизами' прежнія восточная, средняя и западная части Оренбургской Киргизской Степи раздѣлились на двѣ области: Тургайскую и Уральскую; всѣ киргизскія школы перечислены въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія и отошли къ Казанскому Учебному Округу. Во главѣ Министерства и Учебнаго Округа стояли лица, обратившіе серьезное вниманіе на образованіе инородцевъ. По инициативѣ Министерства въ Учебномъ Округѣ началась переписка съ Оренбургскимъ Генералъ-Губернаторомъ объ устройствѣ и направленіи новыхъ киргизскихъ школъ съ примѣненіемъ къ нимъ установившихся къ тому времени въ Казани способовъ образованія инородцевъ и возникъ вопросъ о составленіи первоначальныхъ учебниковъ на киргизскомъ языкѣ и примѣненіи къ нему русской азбуки. Я испросилъ Дѣла этой переписки изъ канцеляріи Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа 20 Марта 1870 года, за

№ 42, и изъ канцеляріи Попечителя Оренбургскаго Учебнаго Округа за № 1263. Последнее дѣло началось въ Ноябрь 1870 года въ Казанскомъ Учебномъ округѣ, но впоследствии было передано въ Округъ Оренбургскій, послѣ его открытія. Отъ г.г. Попечителей учебныхъ округовъ Казанскаго и Оренбургскаго я получилъ разрѣшеніе къ напечатанію пѣкоторыхъ бумагъ, извлеченныхъ изъ того и другаго дѣла—отъ г. Попечителя Казанскаго въ предложениіи отъ 8 Декабря 1890 года, за № 6206, и отъ г. Попечителя Оренбургскаго въ отношеніи отъ 31 Декабря того же года, за № 4020.

Эти законоположенія и дѣла должны представить ясную и точную картину киргизскихъ школъ, но для большей наглядности я доискивался статьи объ Оренбургской киргизской школѣ художника А. Ф. Чернышева, въ весьма рѣдкомъ нынѣ изданіи Тимма «Русскій Художественный Листокъ». Ив. Ае. Бычковъ былъ такъ обязателенъ, что доставилъ мнѣ полный списокъ этой статьи съ имѣющагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ экземпляра названнаго изданія № 17 10 Іюня 1853 года, а у меня еще равнѣе былъ рисунокъ къ этой статьѣ того же художника Чернышева.

Въ означенныхъ дѣлахъ Тургайскаго областнаго архива встрѣчается имя Алтынсарина, который и въ отроческихъ лѣтахъ отличался видно настойчивостію и самостоятельностью. Такъ въ 1850 году, когда киргизскіе мальчики, привезенные въ Оренбургъ, временно помѣщались на частной квартирѣ и открытіе Школы нѣсколько замедлилось, по просьбѣ девятилѣтняго Алтынсарина былъ оставленъ при немъ—впредь до открытія Школы, съ производствомъ порціонныхъ денегъ, его дядька киргизинъ Джытыбай Утемисовъ. Потомъ, когда ученики перешли въ казенное помѣщеніе и Школа открылась и когда по состоявшемуся журналу Пограничной Комиссіи предположено было Утемисова отпустить въ Орду, Утемисовъ былъ опять оставленъ, при Школѣ, «покуда киргизскіе дѣти не свыкнутся съ настоящимъ положеніемъ»; однако Утемисовъ, безъ сомнѣнія по настоянію Алтынсарина, оставался при дѣтяхъ до окончанія имъ полнаго курса. Его постоянное, въ продолженіи семи лѣтъ, присутствіе въ Школѣ и то, что «питомцы

(какъ сказано въ журналѣ Пограничной Коммисіи) со всѣми своими нуждами обращались больше къ нему, какъ своему соплеменнику, чѣмъ къ приставленнымъ для надзора за ними татарскимъ унтеръ-офицерамъ, знающимъ русскій языкъ»,—все это, по моему мнѣнію, предохранило ихъ отъ окончательнаго обтатаренія, къ которому иначе должно было привести ихъ все устройство Оренбургской школы.

Но личный характеръ и нравственная физіономія Алтынсарина живо рисуется въ его письмахъ, въ которыхъ онъ прямо и сильно выражалъ свои чувства и свое душевное состояніе. Въ этомъ отношеніи особенно интересны его первыя ко мнѣ письма 1860-хъ и первыхъ 1870-хъ годовъ, въ которыхъ выражаются его порывы къ свѣту образованія. У меня накопилось, какъ выше замѣтилъ я, довольно много его писемъ; но еще чаще писалъ онъ, болѣе въ дѣловомъ родѣ преимущественно объ школахъ, надъ которыми былъ назначенъ инспекторомъ, къ инспектору татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Оренбургскаго Учебнаго Округа В. В. Катаринскому и къ учителямъ киргизскихъ школъ Тургайской области А. А. Мозохину и Ѳ. Д. Соколову. Всѣ эти письма были любезно доставлены мнѣ вмѣстѣ съ описаніемъ отношенія покойнаго инспектора къ учителямъ и школамъ и о послѣднихъ дняхъ его жизни.

И вотъ собралась у меня масса матеріаловъ, какъ о школахъ, такъ и о личности Алтынсарина.

Изъ такого богатаго матеріала художникъ составилъ бы прелестную картину, достойную своего предмета; я же, признаюсь, и не пытался сдѣлать что-либо подобное и рѣшился, въ видѣ приложенія къ моимъ Воспоминаніямъ, подлинникомъ напечатать документы и бумаги, какъ изъ Полнаго Собранія законовъ и всѣхъ вышеупомянутыхъ дѣлъ, такъ особенно всѣ до единаго, мнѣ и другимъ адресованныя письма покойнаго Алтынсарина, въ которыхъ выразилась его прекрасная, благородная душа. Я не опустилъ даже относящихся ко мнѣ и къ другимъ вѣжливыя и почтительныя выраженія, поклоны семейнымъ и т. п.; хотя и не совсѣмъ бы уместны въ печати, собственно для того, чтобы видѣе было,

какъ Алтынсаринъ вполнѣ владѣлъ обычаемъ и складомъ русской переписки, какъ отъ всѣхъ его писемъ вѣетъ русскимъ духомъ.

Приведу еще одинъ фактъ. Есть у меня двѣ картины: одна вышеупомянутая картина художника Чернышева, изображавшаго съ натуры—Оренбургскую киргизскую школу и ея питомцевъ въ первомъ ихъ видѣ; вторая картина—фотографическая группа 1889 г., представляющая Алтынсарина съ киргизскими учениками Костановской школы. На первой картинѣ изображены пять сценъ: 1) одежда воспитанниковъ (парадная, зимняя, лѣтняя, зимній кафтанъ и малахай), 2) спальня воспитанниковъ (роскошныя койки и вся обстановка), 3) больница, 4) классный залъ: на главной стѣнѣ портретъ Императора Николая Павловича, воспитанники, по лѣвой отъ зрителя стѣны, сидятъ за партами въ два ряда, по четыре парты въ ряду и по четыре человека за каждой партой; всѣ они съ бритыми головами и въ тюбетейкахъ. У противоположной стѣны, на кафедрѣ въ креслахъ возсѣдаетъ мулла въ чалмѣ и съ длиннымъ жезломъ и около него, съ правой стороны, ученикъ читаетъ урокъ. На второй картинѣ 1889 года представлены сидящими въ рядѣ, справа уѣздный начальникъ русскій полковникъ, слѣва инспекторъ Алтынсаринъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ; по сторонамъ того и другого сидятъ два русскихъ учителя изъ воспитанниковъ Казанской учительской семинаріи, за этими сидятъ ихъ помощники киргизы изъ воспитанниковъ Орской учительской школы,—учителя и ихъ помощники въ черныхъ сюртукахъ. Сзади этихъ сидящихъ стоятъ киргизскіе ученики старшаго класса, а спереди сидятъ на полу киргизскіе же ученики младшаго класса,—тѣ и другіе въ сѣрыхъ блузахъ и съ волосами. Явная разница между тѣмъ до пзлншества обтатареннымъ состояніемъ, въ которомъ прошли годы начального образованія Алтынсарина, и между этимъ, совершенно обрусѣлымъ и какимъ-то яснымъ и открытымъ видомъ, до котораго довелъ киргизскія школы Алтынсаринъ.

Всѣмъ Начальствующимъ и официальнымъ лицамъ, сообщившимъ мнѣ нечисленные матеріалы и дозволившимъ напечатать ихъ, а равно достопочтенной вдовѣ Алтынсарина—опекуншѣ надъ его имуществомъ и его корреспондентамъ, изъявившимъ согласіе на

напечатаніе его и своихъ писемъ,—считаю своимъ долгомъ принести глубокую и искреннюю благодарность.

Мои Воспоминанія объ И. А. Алтынсаринѣ, сравнительно съ Приложеніями, весьма короткія, вмѣстѣ съ послѣдними да составятъ матеріалъ для исторіи первыхъ ступеней киргизскаго образованія. Въ этомъ отношеніи они могутъ быть для нѣкоторыхъ любителей, а нѣкихъ могутъ интересовать и въ отношеніи этнографическомъ.

Воспоминанія объ И. А. Алтынсаринѣ.

Въ Октябрѣ 1858 года я пріѣхалъ въ Оренбургъ съ намѣреніемъ поступить на службу въ Пограничную Коммиссію. Предсѣдателемъ Коммиссіи въ то время былъ ученый оріенталистъ профессоръ Василій Васильевичъ Григорьевъ, а въ числѣ совѣтниковъ Коммиссіи былъ мой товарищъ Алексѣй Александровичъ Бобровниковъ. Меня интересовалъ киргизскій языкъ, котораго въ Казани я не имѣлъ случая узнать, потому что о немъ не было ничего въ литературѣ. Я просилъ В. В. Григорьева открыть мнѣ доступъ къ архиву Коммиссіи, полагая, что въ ея перепискѣ должны быть бумаги, писанныя по-киргизски, но В. В. совершенно справедливо замѣтилъ, что во всей этой перепискѣ ни строки нѣтъ киргизской: искони установился обычай писать киргизамъ на татарскомъ языкѣ. Такой взглядъ установили, конечно, татары, бывшіе первыми посредниками между русскимъ правительствомъ и киргизской ордой и единственными почти до послѣдняго времени переводчиками и толмачами по киргизскому управленію. Не излишне замѣтить, что татарское вліяніе на отношенія русскихъ къ киргизамъ уже въ недавнее время закрѣплено такъ сказать документально въ географическихъ названіяхъ Степи; такъ напримѣръ, официально пишется Тургай, Кустанай, а по киргизски произносится: Торгай, Костанай.

В. В. Григорьевъ придумалъ для меня особый, живой способъ изученія киргизскаго языка. Онъ прикомандировалъ ко мнѣ троихъ киргизскихъ юношей: Кулубекова, Кусвакова и Бахтіярова, изъ перваго выпуска Оренбургской Киргизской Школы, которые, по окончаніи курса въ 1857 году, были по собственному прошенію оставлены при Пограничной Коммиссіи для практическаго изученія дѣлопроизводства; они же дежурили поочередно при новыхъ ученикахъ Киргизской Школы. В. В. Григорьевъ написалъ по-русски бумагу, которую мнѣ поручилъ переложить при помощи этихъ киргизовъ на чисто-киргизскій языкъ. Это было правило о пенсіяхъ семействамъ киргизовъ, убитыхъ во время преслѣдованія возмущившагося Кенисары.

Киргизскіе толмачи и стали посѣщать меня каждый день для перевода. Къ нимъ скоро присталъ бывшій воспитанникъ Неплюевского кадетскаго корпуса молодой султанъ Баймухаметовъ, сынъ извѣстнаго султана-правителя западной части Баймухамета Айчувакова.

Во время своихъ занятій съ киргизскими юношами, я замѣтилъ, что въ Школѣ они сильно пропитались татарскимъ языкомъ. Не смотря на строгій приказъ Генерала (такъ киргизы называли предсѣдателя Пограничной Коммиссіи—джанаралъ, а Генераль-Губернатора называли губернатъ) перевести его бумагу на чисто-киргизскій языкъ, они, особенно на первыхъ порахъ, постоянно сбивались на татарскіе формы и обороты и мнѣ немалого труда стоило направить ихъ на киргизскій путь, выпрашивая cadaго изъ нихъ и выбирая изъ сказанныхъ ими выраженій и формъ такія, которыя бы менѣе походили